

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Телин К.О. Имитация «стабильности»: ложная оптика властного дискурса // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 4, с. 55–74.

УДК 323

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.4.5574

ИМИТАЦИЯ СТАБИЛЬНОСТИ: ЛОЖНАЯ ОПТИКА ВЛАСТНОГО ДИСКУРСА¹

Кирилл Олегович Телин

кандидат политических наук, научный сотрудник
кафедры государственной политики факультета политологии
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия. E-mail: kirill.telin@gmail.com

Материал поступил в редколлегию 26.09.2018 г.

В статье представлен анализ существующих в политическом поле толкований стабильности как одного из ключевых пунктов официального властного дискурса. Сложившаяся практика словоупотребления, ориентированная, по мнению автора, на различные манипуляции с общественным мнением, сравнивается с научным пониманием стабильности, выраженным в отечественных и зарубежных разработках. Исследование включает развернутую методологическую оптику: детальный разбор ключевых современных концепций стабильности с подробным описанием соответствующих требований к имеющемуся политическому порядку.

Автор делает вывод о рассогласованности трактовок стабильности в научной и политической сферах. В качестве причин подобного положения он рассматривает следующие системные политические обстоятельства: дефекты политической коммуникации и имеющегося политического языка (1); деполитизация и воспроизводящееся

¹ Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-4685.2018.6 «Проблемы политической стабильности: современные подходы»).

отчуждение граждан от собственных политических прав и отсутствие осознания себя как субъекта политического действия (2); намеренная трансформация вполне конкретного и инструментального дискурса стабильности и стабилизации в размытое этическое требование (3). Автор предполагает, что сохраняющиеся в российской политике тренды, во многом схожие с аналогичными тенденциями в других странах, такие как разрыв истеблишмента с остальным обществом (а), политическая апатия и даже депрессия значительной части населения (б) и продолжающаяся трансформация информационного пространства (в), в состоянии усугубить и без того актуальные для общества проблемы расхождения официального, властного дискурса с научными исследованиями и даже элементарным здравым смыслом.

Ключевые слова: стабильность, политический режим, дискурс, язык, политическая конкуренция.

Думаю, нет большего благословения для нации, чем стабильность эффективного правительства.

Антониу Салазар¹

Вынесенная в эпиграф сентенция, принадлежащая правившему на протяжении 36 лет политическому лидеру, была бы блестящим и абсолютно верным наблюдением, если бы не одно «но», доказывающее, что при осуждении аргументов *ad hominem*, как и указывал Д. Уолтон (Уолтон 2002: 141–142), все же следует предполагать исключения. Дело в том, что ее автор – человек, правление которого демонстрирует не только немало ошибок на пути учреждения стабильности, но и существенные искажения в понимании самого этого феномена.

Речь идет об А. Салазаре, фактическом диктаторе Португалии в 1932–1968 гг., основателе *Estado Novo*, Нового Государства, – режима, легко вписывавшегося в авторитарно-корпоративные схемы первой половины XX в., но с течением времени не раз демонстрировавшего многочисленные внутренние проблемы, очевидные как минимум тем полутора миллионам португальцев (Baganha 2003), которые покинули страну, чтобы не стать заложниками архаичной экономики, не участвовать в колониальных войнах или не быть заключенными в концентрационный лагерь по итогам работы политической полиции. «Стабильность эффективного правительства», отвергавшего избирательные права и открытость экономики в пользу консервативной изоляции (Мендес 2009), закончилась для Португалии «революцией гвоздик», самым низким в Европе уровнем грамотности населения и непомерными расходами на бессмысленные военные интервенции.

В настоящей статье рассматривается понятие политической стабильности, к концу XX в. ставшее универсальной ценностью и драйвером внутренней политики для руководства едва ли не всех государств мира, – при том что интерпретация этого понятия до сих пор нередко расходится с научными представлениями о нем и зачастую неприемлема с позиции здравого смысла. В первой части статьи мы проведем краткий обзор имеющихся

¹ См.: (Salazar 1963).

трактовок политической стабильности, во второй обратимся к вероятным причинам отклонения прикладных оценок стабильности от научных концепций, а в третьей части наметим наиболее характерные препятствия на пути преодоления подобной дивергенции.

Рассвет стабильности. Сравнивая современные друг другу режимы Италии и Португалии, немецкий исследователь Я.-В. Мюллер указывает, что в то время, когда «государство Муссолини бросало вызовы и мобилизовывало массы, Новое Государство Салазара всех расставило по местам и не позволяло с них сойти» (Мюллер 2017: 37); наряду с важной характеристикой внутренней политики Estado Novo это отражает еще и одну из распространенных иллюзий, отождествляющих стабильность с отсутствием изменений.

Нередко именно такой смысл вкладывается гражданами в понятие «стабильность»: так, например, Л.А. Паутова указывает, что значительную долю ассоциаций и когнитивных символов стабильности для россиян составляют категории *равновесия, постоянства, покоя и неизменности* (Паутова 2004). А.О. Ярославцева, уточняя, что в представлении россиян стабильность связана с отсутствием не любых, а преимущественно негативных изменений, все же отмечает, что люди «отождествляют ее со спокойной, нормальной, предсказуемой жизнью» (Ярославцева 2012а: 63). Эта трактовка представлена и в некоторых научных публикациях. Так, В.Ф. Бондаренко и Е.В. Ефанова называют стабильность «идеальным состоянием отечественного социума, гарантирующим подлинный порядок и оптимальное мироустройство» (Бондаренко, Ефанова 2012), А.В. Старцев полагает стабильность равнозначной то ли нормальности, то ли управляемости (Старцев 2010), а В.Н. Иванов описывает общетеоретическое содержание понятия «стабильность», сравнивая его с понятием «неизменность» (Иванов 2000; Матафонова 2015). Подобные экзерсисы с редукцией значений закрепляют упрощенное восприятие стабильности как таковой, а неспособность академических исследований популяризовать более системный взгляд формирует крайне двусмысленную ситуацию: слово, охотно используемое большинством политиков, понимается так плоско, что теряет связь с собственным исходным содержанием.

Следует отметить, что и в социальные исследования, и в политическую науку термин «стабильность» вошел лишь в XX в., будучи заимствованным из естественнонаучных дисциплин (Мюллер 2017), где его использование начинается много ранее. Распространенной (и общепринятой, к примеру, в этимологических словарях) является точка зрения, согласно которой первые упоминания понятия «стабильность» в физических исследованиях датируются XV в.¹, однако аргентинский исследователь Л. Годой указывает, что пионером в этом отношении можно считать математика XIII в. Иордана Неморария (Godoy 2011), чьи разработки и легли в основу более поздних трудов эпохи Возрождения. Упоминание этих хронологических обстоятельств не является попыткой перевести настоящую статью в формат

¹ По мнению составителей словарей Merriam Webster etc.

исторического или семантического исследования; дело в том, что даже столь ранние естественнонаучные разработки имеют прямое отношение к развенчанию упомянутой трактовки понятия стабильности как несостоятельной и вульгарной.

Уже в этих разработках обозначена недопустимость отождествления стабильности не только с неизменностью, но даже и с равновесием, также нередко воспринимаемым как синоним стабильности. Для физиков и других исследователей в области естественных наук (химиков, геологов, биологов) между стабильным и нестабильным равновесием есть фундаментальная разница: в первом случае система возвращается в равновесие, будучи выведенной из него под воздействием внешних сил, в последнем же баланс не восстанавливается даже при небольших возмущениях. Промежуточное состояние, в котором система достигает краткосрочного равновесия, устойчивого при небольших вызовах, нередко называется метастабильным.

Суть здесь заключается в том, что стабильной является система, не просто способная к долговременному продолжению собственного существования, но обладающая достаточным адаптивным потенциалом для восстановления в ситуациях неопределенности и внешних возмущений. Этому естественнонаучному представлению соответствуют более сложные теории стабильности, имеющиеся в социальных науках.

В частности, К. Даудинг и Р. Кимбер, определяя политическую стабильность как «состояние политического субъекта, при котором он может сопротивляться непредвиденным обстоятельствам, угрожающим его существованию» (Dowding, Kimber 1983: 238-239), уточняют, что такого рода сопротивление не должно быть случайным (*non-accidental survival*) (Dowding, Kimber 1983: 241-242). Долгосрочное существование некоей системы или некоего порядка отнюдь не делает их по умолчанию стабильными – продолжительность их действительности может быть обеспечена, допустим, насильственными средствами (Туровский 2006: 58) или внешним патронажем более сильных политических или государственных игроков; о стабильности можно говорить лишь в условиях естественного сопротивления системы как о состоянии, обеспеченном ее собственными ресурсами и возможностями. Даудинг и Кимбер подчеркивают, что данное состояние невозможно представить без динамичных изменений, позволяющих реагировать на вызовы окружающей среды, и базовым требованием стабильности является способность производить контролируемые, управляемые изменения, особо критичные в тех случаях, когда речь идет об основных, идентифицирующих параметрах (*“elements that need to provide continuity”, “elements that used to specify the system”*). И. Дрор писал, что ключевой элемент политического кризиса – это «немыслимость» (Dror 1999); предотвращение подобного рода немыслимости, непредсказуемости действительности представляет собой важную часть курса на стабилизацию.

Г. Экстайн и Т. Гарр также отмечают, что продолжительное существование некоей системы или явления может быть следствием череды «счастливых случайностей» (Eckstein 1966: 227–228); для того же, чтобы вести разговор о политической стабильности, к исследуемым отношениям или системе

необходимо предъявить целый ряд требований. Экстайн и Гарр называют в их числе долгосрочную преемственность (*durability*), политическую включенность (*permeation*), экономическую эффективность и результативность (*efficiency & effectiveness*), легитимность (*legitimacy*), сопротивление внутренним конфликтам (*strife-avoidance*) и параметр, который на русский язык можно перевести как «властность и авторитет» (*authority*) (См. об этом: Zimmermann 1983: 196). Экстайн к тому же считается одним из наиболее ярких сторонников критерия конгруэнтности, разработанного еще в трудах Г. Алмонда; в рамках исследования политической стабильности Экстайн подразумевает под конгруэнтностью согласованность ценностных ориентаций и поведенческих установок политического и неполитического характера (Eckstein 1997). Стабильность в рамках указанного подхода объявляется зависимой от такой согласованности и становится проекцией соответствия между паттернами (поведенческими шаблонами) власти и общества, политических сил и их социального окружения (Rosenthal 1978: 129). Этот тезис был раскрыт в работах С. Хантингтона, указывавшего, что «стабильность любого общества зависит от соотношения между уровнем политической активности населения и уровнем политической институционализации» (Хантингтон 2004: 95).

У. Розенталь, вместе с соавторами (М. Чарльз, П. т'Харт, А. Бойн) разрабатывающий тему стабильности, перечисляет шесть возможных ее интерпретаций (Hurwitz 1980), которые, как мы предполагаем, вполне могут сосуществовать и даже дополнять друг друга, а следовательно, не должны рассматриваться как перечень эквивалентных достаточных критериев. Речь идет об отсутствии радикальных структурных изменений (1), способности к сохранению выбранного курса или имеющихся социальных норм (2), высоком уровне легитимности (3), качественной политической институционализации (4), ограничении внутреннего насилия при доминировании мирных форм урегулирования конфликтов (5) и, наконец, о долговечности существования конкретной системы отношений (6). Можно заметить, что это уже не первая концепция, подчеркивающая важность сдерживания насилия для стабилизации, но отнюдь не предлагающая воспринимать данный критерий как единственный и достаточный; хорошо подчеркивает указанное обстоятельство Р. Йонг-а-Пин: «Несмотря на то что исследования фокусируются на вопросах политического насилия ... ни одно из них не полагает, что политическая нестабильность ограничивается этим единственным измерением» (Jong-a-Pin 2006: 2-3).

Российские ученые также вполне развернуто раскрывают содержание политической стабильности. К числу ведущих теоретиков здесь можно отнести А.С. Макарычева, Р.Ф. Туrowsкого и А.О. Ярославцева.

А.О. Ярославцева в совместном с В.Г. Ивановым исследовании выделяет следующие подходы к стабильности (которые опять же можно представить в качестве отдельных критериев): отсутствие политически мотивированного насилия (1); наличие прочного конституционного порядка (2); высокая легитимность (3); способность системы к управляемому и адаптивному воспроизводству (4); социально-экономическая эффективность (5);

устойчивость социально приемлемых поведенческих моделей (6). «Для сохранения стабильности существует ряд общих условий», – полагают авторы, но вносят в трактовку исследуемого феномена еще одно дополнение, указывая, что «политическая стабильность является также важной политико-идеологической ценностью» (Ярославцева 2012b). К этому замечанию мы вернемся в следующих разделах настоящей статьи.

Р.Ф. Туровский, подчеркивая, что принципиальная «телеология стабильности политических систем является причиной для острой критики этой теории» (Туровский 2006: 29), все же отмечает, что стабильность выступает одним из требований к эффективной работе политических структур и государственных органов. В ряде учебных пособий по политологии, пишет Туровский, «способность обеспечить стабильность и порядок» указывается первой «в списке критериев оценки политических систем» (Туровский 2006: 19); предлагая свою методику такой оценки, исследователь связывает стабильность с эффективностью и выделяет внутри комплексного показателя эффективности четыре кластера – легитимационный, общесистемный, режимный и акторный. Первый подразумевает оценку социальной поддержки сложившейся системы, второй – качество воспроизводства и развития имеющихся норм и институтов, третий – реализацию задач, выдвигаемых конкретным политическим режимом; четвертый кластер представляет возможность удовлетворения социальных, групповых или частных интересов в пределах действительных отношений. «Поддержка со стороны общества, широких слоев населения, участвующих в разделении политического труда и добивающихся за счет этого реализации своих интересов, предполагает системную стабильность», – заключает Туровский (Туровский 2006: 58).

А.С. Макарычев рассматривает восемь предлагаемых в западной литературе критериев стабильности. Это отсутствие нелегитимного насилия (1); устойчивая преемственность правительственных структур (2); сохранение конституционного порядка (3); легитимность (4); отсутствие незапланированных структурных изменений (5); долговременный характер политического равновесия или баланса сил ключевых политических игроков (6); соответствие и инверсия политической власти и общественных институтов (7); распространение общественно безопасных моделей поведения (8) (Макарычев 1998). По мнению исследователя, стабильность представляет собой «многомерное понятие» и ее нельзя отождествлять с подавлением доминирующей политической силой своих соперников и конкурентов.

Нетривиальную и более современную интерпретацию политической стабильности предлагает профессор Университета Боулинг-Грин К. Вэлье. Его модель, которую он характеризует как «агентскую» (*agent-based*), позволяет «различить три концепта политической стабильности – долговечность (*durability*), равновесие (*balance*) и стойкость (*immunity*)» (Vallier 2017). Хорошо управляемое общество (этот термин Вэлье заимствует у Дж. Роулза) сочетает в себе высокую степень социального доверия и согласованного поведения граждан, низкий уровень краткосрочной изменчивости и сопротивление воздействию со стороны антисистемных сил. При этом стойкость Вэлье считает необходимым условием (*precondition*) для долговечности и

равновесия (Vallier 2017: 257). К подобным выводам приходят и С.О. Ханссон и Г. Хелгессон – они выделяют в стабильности такие возможные ее аспекты, как постоянство (*constancy*), надежность (*robustness*) и устойчивость (*resilience*) (Hansson, Helgesson 2003). Постоянство Ханссон и Хелгессон определяют как сохранение системы или ее незначительное изменение в течение времени, надежность – как способность выдержать воздействие неблагоприятных внешних обстоятельств, а устойчивость – как способность возвращаться к равновесному состоянию под воздействием данных обстоятельств. Авторы полагают, что надежность можно охарактеризовать как частный случай устойчивости, а вот постоянство и устойчивость являются двумя не сводимыми друг к другу, а следовательно представляющими разные стороны стабильности, категориями.

А.С. Ахременко, в своем анализе использующий методологию математического моделирования, предлагает выделять в исследовании политической стабильности два основных подхода – статический и динамический (Ахременко 2009), первый из которых «предполагает количественную индексацию уровня стабильности» и характеризует ее «как функцию от нескольких признаков», а второй, исходя из оценки стабильности как динамичного процесса, делает акцент «на структурных характеристиках изменения системы во времени». При этом Ахременко указывает, что политическая стабильность, во-первых, является эмпирически ненаблюдаемой, а во-вторых, не имеет общепризнанного эталона измерения; сам ученый предлагает обратиться к количественным параметрам наподобие Data Envelopment Analysis (DEA).

В целом, характеризуя имеющиеся на сегодня наработки зарубежных и отечественных исследователей в плане изучения политической стабильности, нельзя не отметить, что основные и наиболее признанные ее концепции предъясняют развернутые и сложно структурированные требования к системе, которую можно характеризовать как стабильную. Это резко контрастирует с той вольностью, которая свойственна высказываниям зарубежных и отечественных политиков, охотно обращающихся к концепту в собственных интересах, совсем не похожих на научные.

Пути нестабильности. Несмотря на полноту представленных выше трактовок стабильности, известных в академической среде и довольно убедительно описывающих квалифицирующие требования к использованию этого термина, его значение в политической практике оказывается практически выхолощенным. Само это слово, выступающее в качестве одной из «узловых точек» авторитетной политической речи, превращается в «пустое», или «плавающее», как описывали его К. Леви-Стросс (Levi-Strauss 1987) и Ж. Лакан (Лакан 1999), «означающее без означаемого», чей смысл «состоит в том, чтобы продемонстрировать верховную власть субъекта над самим означаемым, проделывая с ним что угодно, играя с ним с единственной целью уничтожить его» (Лакан 1999: 253-254). В чем же причины такого положения дел? Мы выделяем три ключевых момента.

Первая причина может быть обнаружена в собственно лингвистических, языковых обстоятельствах. В неблагоприятных условиях, когда

адекватное описание наблюдаемой реальности отчего-то становится затрудненным, политикам свойственно обращаться либо к более расплывчатым и абстрактным выражениям (Миллер 2009), либо к архаичным формам, заимствованным, например, в недавнем прошлом (Ушакин 2009), либо к так называемым экспрессивам – словам и высказываниям, в которых первоочередное значение имеет не смысловая, а эмоциональная и ценностная нагрузка (Сёрль 1986).

Намеренную неопределенность – или, например, дополнительную метафоричность кризисных и предвыборных выступлений – анализируют такие авторы, как К. де Ландтсхеер и Д. Вертессен; они утверждают, что «через метафоры, упрощение языка и использование приемов эмпатии политики готовят свою аудиторию к восприимчивости и действию» (Vertessen, De Landtsheer 2008). Разворот в сторону устаревших, но привычных и устоявшихся категорий комментирует С. Ушакин, называющий данное состояние «афазией»: «Афазия проявляется как своего рода дискурсивный паралич ... символическое производство, в котором дезинтеграция способности дискурсивного поля поддерживать адекватность взаимосвязи между означающими и означаемыми компенсируется разнообразными символическими замещениями и регрессиями к формам предыдущих периодов» (Ушакин 2009). Наконец, обращение к экспрессивам и своеобразному «эмоциональному популизму» рассматривается в работах Дж. Сёрля, который указывает, что цель такого рода высказываний состоит «в том, чтобы выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» (Сёрль 1986: 183), и исследователей современного «популистского поворота», подчеркивающих, что «апелляция к простоте и понятности предлагаемых мер ... использование готовности больших человеческих масс эмоционально реагировать» (Баранов 2015: 29) маскируют переход политической конкуренции от программ и рациональных аргументов к «полной эмоций и символов метаполитической войне» (Бозоки 2012: 173).

Таким образом, само слово «стабильность» уже ввиду особенностей политического языка может превращаться в неопределенный с содержательной точки зрения инструмент манипуляции общественным мнением: оно многим кажется интуитивно понятным и даже очевидным, однако попытки его «считывания» и объяснения каждый раз оборачиваются неудачей. В ряду подобного рода «плавающих означающих» рассматриваемый нами термин отнюдь не одинок: в современных социальных исследованиях схожим образом анализируется использование терминов «традиция» (Хобсбаум 2000) или, например, «ментальность» и «национальный характер» (Рикер 2004; Lloyd 1990) – данные категории активно задействуются в политической лексике без какого-либо прояснения их смысла или уточнения содержания. Здесь можно говорить даже не об «экспрессиве», а скорее о «репрезентативе» – вводя неопределенные термины, при этом имеющие однозначную эмоциональную окраску, политик стремится скрыть ту реальность, с которой граждане могут столкнуться в повседневности, за вуалью воображаемого «дивного мира», версиями которой могут быть «золотой век», «эпоха стабильности»

или «Америка, снова ставшая великой». Нельзя не отметить, что указанный дискурс часто поддерживается самим населением, поскольку предоставляет гражданам возможность либо оставаться в зоне комфортной стабильности, либо артикулировать крайне размытые требования к политическому истеблишменту, добываясь не решения конкретных (и порой весьма сложных) проблем, а укоренения той же самой стабильности.

Вторую причину прикладных искажений в употреблении слова «стабильность» составляет когнитивное обстоятельство, которое мы охарактеризуем как бессубъектность. Следует обратить внимание на тот факт, что при использовании термина «стабильность» в практической политике все чаще отсутствует пояснение, о стабильности кого (или чего) идет речь, кто выступает агентом или, напротив, бенефициаром стабильности. Кстати сказать, частыми определениями к слову «стабильность» выступают не вполне правомерно отождествляемые прилагательные «общественная», «социальная», «политическая», «государственная» – каждый из этих случаев, вероятно, должен предполагать особую оптику рассмотрения «стабильности» *per se*, но этого не происходит. Она становится неким «автономным явлением», с которым происходит то же превращение, которое описывалось К. Лефором в отношении термина «народ» (Lefort 1988). Французский философ указывал на то, что воображаемый «народ» может не иметь ничего общего с реальными людьми, образующими его; так и «стабильность» как широко употребляемая категория перестает нуждаться в обращении к чьему-либо эмпирическому опыту. Будучи направленной на «общество» в целом, она может быть оспорена и фальсифицирована огромным массивом частных примеров, при этом не наносящих ее риторическому использованию ровным счетом никакого ущерба: каждый из них объявляется «исключением», «отдельной проблемой» или «еще не решенным вопросом». Например, согласно текстам Послания Президента РФ Федеральному Собранию «Россия стала политически и экономически стабильной страной» еще в 2004 г., но при этом даже в 2016 г. указывается, что «стабилизация не означает автоматического перехода к устойчивому подъему», базовые проблемы экономики еще не разрешены, да и «трудностей хватает». Как мы видим, «стабильность» охотно утверждается даже там, где ее существование довольно трудно доказать или проверить – она используется в качестве самобытного, автономного описательного ярлыка, не связанного ни с кем и ни с чем конкретно и опирающегося на столь же абстрактные категории.

Наконец, третья причина, на наш взгляд, может заключаться в том, что стабильность в ряде случаев начинает восприниматься *не как содержательное требование* к функционированию политической системы или деятельности органов государственной власти, а *как этическое условие* для них. Из цели или как минимум ориентира стабильность превращается в инструмент, причем инструмент едва ли не морально-нравственный, – ее сущность раскрывается через требования «не раскачивать лодку», «беречь согласие» и не «раскалывать общество» демократическими лозунгами¹.

¹ Согласно текстам Послания Президента Федеральному Собранию РФ.

По данным, приводимым Л.А. Паутовой, 63% опрошиваемых россиян соглашаются с утверждением наша страна нуждается в стабильности, это важнее, чем реформы и связанные с ними перемены, и только 30% считают, что наша страна нуждается в переменах, новых реформах, даже если эти перемены связаны с риском утраты стабильности (Паутова 2017). Самое ценное здесь – не социологический раскол и противостояние одной трети респондентов двум другим; важнейшее обстоятельство заключается в имплицитном противопоставлении стабильности и перемен, стабильности и реформ. Такую постановку вопроса, конечно, правомерно обозначить просто как некорректную, однако мы полагаем, что подобная интерпретация гражданами термина «стабильность» является отражением специфического его понимания – как этической, нравственной, мировоззренческой предпосылки, а не как сложного процессуального требования.

Прощание с биполярным расстройством. Можно ли достигнуть эффективной конвергенции практического использования понятия стабильности и теоретических концепций, посвященных ей? Несомненно, на пути согласования теории и практики имеются серьезные препятствия, и мы хотели бы перечислить их, чтобы в дальнейшем общественный дискурс мог развиваться с учетом проблемных факторов и критических детерминант.

Важнейшее из таких препятствий – сознательная незаинтересованность партийного или государственного истеблишмента в развитии имеющегося политического языка. Пока существующие формы (вне зависимости от их качества) способствуют эффективному достижению рейтинговых и легитимизирующих целей, нет и смысла от них отказываться; когда же, положим, электоральная конъюнктура ухудшается, конструктивная дискуссия – последнее, о чем думают «хромые утки». Как указывает уже процитированная нами Л.А. Паутова, стабильность *«все активнее трансформируется в легитимную смысловую схему, поскольку становится условием установления и оправдания социального порядка»* (Паутова 2017); вопрос о том, насколько соответствует обсуждение «стабильности» реальному положению дел, не ставится, и притом весьма маловероятно, что в случае ухудшения социально-экономической ситуации остро необходимыми станут разоблачения «нестабильности».

Примером здесь может служить использование лексемы «стабильность» в позднем Советском Союзе. «Под предлогом стабильности создавался застой работников на высоких постах...», – высказывался на XXVII съезде КПСС Н.А. Назарбаев (XXVII съезд КПСС... 1986); «...нас не должна размагничивать постоянная политическая стабильность в стране», – заявлял Б.Н. Ельцин (XXVII съезд КПСС... 1986). Острую актуальность приведенных реплик нивелирует одно-единственное обстоятельство – эти столь знакомые по форме высказывания случились в 1986 г., когда «политическую стабильность советского общества, прогресс нашей страны», по словам Е.К. Лигачева, определяла «правильная социальная политика партии» (XXVII съезд КПСС... 1986). И партия, и страна через считанные годы прекратили свое существование; культ «стабильности», однако, оказался жизнеспособнее тех структур, которые ранее отвечали за правильное его применение.

Это замечание становится вдвойне актуальным в условиях, когда амбиции и устремления политиков не получают противодействия других сил, таких как общественные организации или академическое сообщество, которые при прочих условиях имели бы возможность артикулировать альтернативные суждения по поводу стабильности и нестабильности. Б. Буэно де Мескита и Дж. Даунс подчеркивают, что «широкий доступ к высшему образованию и профессиональной подготовке жизненно важен, если граждане собираются развивать свои навыки коммуникации, организации и политического представительства ... развитое образование также способствует формированию обширного пула оппозиционных лидеров, тем самым увеличивая поддержку соперников правительства-инкумбента» (De Mesquita, Downs 2005: 83); в подобных условиях неудивительно стремление авторитарных режимов ограничивать или подавлять инакомыслие, особенно в столь чувствительной для себя сфере, какой являются язык и политическая риторика. Например, в КНР власти вполне открыто реализуют политику фильтрации интернет-трафика на основе тех или иных ключевых слов и фраз – целью цензуры объявляется недопущение распространения информации, дискредитирующей политиков и чиновников, но «отсеву» подвергаются не только сообщения СМИ, но даже и поисковые запросы (не говоря о контенте социальных сетей). Оппозиционные и критически настроенные акторы вынуждены обращаться к языку эвфемизмов, что влечет за собой если не деградацию, то «замораживание» имеющегося официального дискурса – при том, что шансов оспорить его почти повсеместную монополию у конкурентных игроков практически нет. В долгосрочном горизонте это, однако, лишь ослабляет позиции языка – как замечал П. Бурдьё, «только непрерывное творчество, которое рождается из безостановочных столкновений между разными авторитетами ... может обеспечить легитимному языку долговечность» (Бурдьё 2005); в противном случае язык гипернормализуется – его застывшие формы становятся более предсказуемыми и громоздкими, легко цитируемыми, но трудно считываемыми в части констатирующей их функции (Юрчак 2014).

Для того чтобы использование термина «стабильность» перестало быть одновременно общим местом и узлом неопределенности, желательно формирование конкуренции хотя бы в рамках делиберативных процедур и общественной дискуссии. Оспаривание «авторитетного слова» в публичной политике, в принципе, является нормальной позицией интеллектуальных кругов, и, хотя в условиях концентрации власти в руках государства такие действия представляются затруднительными и рационально невыгодными, защита собственных интересов все равно остается актуальной. Увы, сегодня достаточно популярно убеждение, будто цензура и прочие контрольно-надзорные практики, как и «внутреннее ограничение» публичной критики ради «покоя» и шмиттеанского тождества «своих», играют позитивную роль в развитии общества; исторический опыт, однако, показывает, что роль цензуры можно определить прямо противоположным образом (Рубцов 2014; Аронсон 2004; Куликова 2016).

Потому, вероятно, к числу наиболее значимых препятствий для адекватного использования идеи стабильности в политической практике следует отнести само состояние публичной сферы – в том, конечно, случае, если механизмы представительства и защиты интересов существуют в зачаточной или «витринной» версии. Стратегии «внеаходимости» (исключения себя из пространства официальных высказываний) и «башни из слоновой кости» (исключения себя из массовой повседневности) обладают безусловной привлекательностью в краткосрочном отношении, предоставляя индивидам возможность вырваться из пространства официального дискурса; с течением времени, однако, подобный исход оборачивается негативными последствиями для общества в целом – как писал Э. Бёрк, «когда плохие люди объединяются, хорошие тоже должны объединяться, иначе они падут один за другим»¹. Внеаходимость и «публики своих», о которых говорил А. Юрчак применительно к советской эпохе, имеют следствием современные «коммуникативные барьеры», которые исследует Ю. Гладарев (Гладарев 2014), и «негативную революцию» (апатию, деполитизацию, меланхоличный дискурс), описанную А. Магуном (Магун 2008: 65–66); новое российское общество столкнулось с парадоксальным для демократических форм распадом общественной сферы, недоступностью представительного участия, разрывом политических связей и «параличом катастрофизма» (Хархордин 2011: 291). Еще одним фактором стало упомянутое нами «молчаливое» принятие дискурса стабильности со стороны многих граждан – в условиях деполитизации оспаривание доминирующей линии, своеобразного политического мейнстрима до сих пор представляется многим действием сколь трудно возможным, столь и бесполезным, почти бессмысленным.

К числу прямых следствий относится и антагонизм общественно-политической дискуссии, ограничивающий какой-либо полезный эффект от высказывания номинально альтернативных мнений: конкурирующие позиции просто циркулируют в замкнутой среде, не пересекаясь друг с другом и даже не обнаруживая стремления к такому взаимодействию. К. Санстейн называет такую конфигурацию публичного пространства «эхо-комнатами» (*echo chamber*) (Sunstein 2001) и, хотя подобное состояние характерно не только для России, в отечественных реалиях оно тем не менее существенно осложняет развитие гражданского общества, препятствуя как делиберативным практикам, так и агонистической² конкуренции – они просто не могут сформироваться в условиях автоматического восприятия позиции, отличающейся от собственной, в качестве порочной, нелогичной и «неправильной». В свое время критики-диссиденты характеризовали советское общество шуткой-аллюзией «мы рождены, чтоб Кафку сделать былью» – сегодня акценты окончательно сместились от Кафки к уже упоми-

¹ Перевод: «When bad men combine, the good must associate; else they will fall, one by one» (См.: Бурке).

² Под «агонистичным» здесь подразумевается критерий, описанный Ш. Муфф в соответствующей работе «Агонистическая модель демократии»: перевод политического противоборства из антагонизма в конструктивное соперничество (Муфф 2004).

навшемуся Фуко. «Механизму карательной власти в определенный момент потребовалась связка с природой преступления ... ей пришлось удвоить деление на законные и незаконные поступки делением индивидов на нормальных и ненормальных», – писал Фуко (Фуко 2005: 112); в современной России нетрудно заметить навязчивый поиск «нормальности» в противовес стигматизируемой «ненормальности». «Ненормальными» нарекаются ценности, распространенные на государственной периферии (Марченя 2006: 20), широко распространенные архаичные культурные образцы (Мартынов 2003), оппозиционные настроения (Моргунова 2010) и многое другое (Макарычев 2013); при этом каждая сторона политической борьбы, не исключая, в частности, тех самых оппозиционеров, оценивает себя именно в качестве «нормальной» и противостоящей иным, «ненормальным».

* * *

В качестве итога проведенного исследования стоит сделать несколько замечаний, отражающих те цели и задачи, которые были обозначены в начале статьи.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на широкое обращение к концепту стабильности в России и за рубежом, его политическое использование редко коррелирует с тем смыслом, который вкладывают в понятие «стабильность» социальные исследователи. Если последние описывают политическую стабильность через сложные системы разнородных требований к функционированию государственных институтов или деятельности гражданских акторов, то политики и чиновники чаще подразумевают под стабильностью некий бессодержательный «экспрессив» или «репрезентатив», удобный им с точки зрения рейтинговых показателей и политических деклараций.

Мы выделили три причины такой дивергенции: проблемы с политическим языком или даже с коммуникацией как таковой (1), отчужденность граждан от представлений о себе как о субъектах политического действия (2) и намеренная морализация стабильности со стороны государственных и политических структур (3). Обсуждая обстоятельства, препятствующие конвергенции научных и обывательских представлений (то есть, по сути, «стабилизации дискурса стабильности»), мы выделили незаинтересованность политиков в отказе от привычных форм взаимодействия с электоратом (а), дефекты публичного пространства, проиллюстрированные российским примером нарастающей апатии и разочарования в политике (б), а также раскол информационного поля на множество «эхо-комнат» – изолированных сегментов, за пределы знаний, представлений и установок которых индивиды не стремятся, предпочитая работать с привычными формами и образцами (в).

Без сомнения, было бы крайней наивностью утверждать, что возможно быстрое разрешение столь серьезных проблем. Тем не менее китайская поговорка гласит, что «путь в тысячу ли начинается с одного шага», и, вполне вероятно, активизировавшаяся общественная дискуссия и стремление отстаивать профессиональные знания в публичном пространстве будут способствовать оздоровлению политического дискурса и отказу общества от восприятия идейной манипуляции как чего-то само собой разумеющегося.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февр. – 6 марта 1986 г. [Электронный ресурс] : стеногр. отчет. [В 3 т.]. М. : Политиздат. URL: <http://oveticus5.narod.ru/85/xxvii1.htm> (дата обращения: 01.05.2018).

Аронсон О.В. 2004. Цензура как опыт: симптоматика и этика [Электронный ресурс] // «Index. Досье на цензуру». № 20. URL: <http://www.index.org.ru/journal/20/aronson20.html> (дата обращения: 15.05.2018).

Ахременко А.С. 2009. Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности // ПОЛИС : Полит. исслед. № 3. С. 105-112.

Баранов Н.А. 2015. Возрождение популизма: европейский опыт и российские практики // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та. Сер. 6. Вып. 3. С. 25-36.

Бозоки А. 2012. Популизм как дискурс венгерских элит [Электронный ресурс] // Сравн. политика. № 3 (9). С. 162-184. URL: <http://www.comparativepolitics.org/index.php/jour/article/viewFile/114/128> (дата обращения: 03.05.2018).

Бондаренко В.Ф., Ефанова Е.В. 2012. Политическая стабильность в современной России: факторы, уровни, противоречия [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Тамбов : Грамота. № 4 (18). Ч. 2. С. 37-40. URL: http://cjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_4-2_09.pdf (дата обращения: 06.05.2018).

Бурдые П. 2005. О производстве и воспроизводстве легитимного языка [Электронный ресурс] // Отечество. записки. № 2 (23). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vozproizvodstve-legitimnogo-yazyka> (дата обращения: 19.04.2018).

Гладарев Б. 2014. Опыты преодоления «публичной немоты»: анализ общественных дискуссий в России начала XXI века [Электронный ресурс] // Российское общество в поисках публичного языка: вчера сегодня завтра / под ред. Н. Вахтина, Б. Гладарева, Б. Фирсова. СПб. : Изд-во ЕУСПб. URL: https://eu.spb.ru/images/pnis/Гладарев_Опыты_преодоления_публичной_немоты.pdf (дата обращения: 02.05.2018).

Иванов В.Н. 2000. Политическая социология. М. : Мысль. 294 с.

Куликова С.А. 2016. Конституционный запрет цензуры в России : моногр. М. : Проспект. 252 с.

Лакан Ж. 1999. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55) / пер. с фр. А. Черноглазова. М. : Гнозис : Логос. 520 с.

Магун А.В. 2008. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта [Электронный ресурс]. СПб. : Изд-во ЕУСПб. 416 с. URL: http://abuss.narod.ru/Biblio/polis/magun_or_vv.htm (дата обращения: 05.05.2018).

Макарычев А.В. 2013. Российские олимпийские дискурсы: эффекты унификации и многообразия // Неприкоснов. запас. № 2 (88). С. 86-100.

Макарычев А.С. 1998. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // ПОЛИС : Полит. исслед. № 1. С. 149-157.

Мартыанов В.С. 2003. Метаязык политической науки. Екатеринбург : Изд-во УрО РАН. 236 с.

Марченя П. 2006. Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. № 2. С. 20-22.

Матафонова Ю.А. 2015. Политическая стабильность и политическая устойчивость в контексте федеративной системы // Вестн. Кемер. гос. ун-та. № 2 (62). Т. 2. С. 72-75.

Мендес В.К. 2009. Оправдание диктатуры? (диктатор Салазар в 1930 г. и поэт Фернандо Пессоа в 1928 г.) [Электронный ресурс] // Независимый филолог. журн. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me9.html> (дата обращения: 02.04.2018).

Миллер Ж.-А. 2009. Лакан и политика [Электронный ресурс] : [беседа Жака-Алена Миллера с журналистами Ж.-П. Клеро и Л. Лотт (Paris : PUF, 2003. № 16)] / пер. с фр. И. Панферовой // Неприкоснов. запас. № 5 (67). URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-67/4238-lakan-i-politika.-beseda-s-zhakom.html> (дата обращения: 01.12.2017).

Моргунова А.Б. 2010. Идеологии и стратегии доминирования в дискурсе российского и белорусского президентов // Вестн. обществ. мнения. Т. 103, № 1. С. 19-47.

Муфф Ш. 2004. К агонистической модели демократии // Логос. № 2 (42). С. 180-197.

Мюллер Я.-В. 2017. Споры о демократии: Политические идеи в Европе XX века / пер. с англ. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 398 с.

Паутова Л.А. 2004. Комплексный подход к исследованию социального представления о стабильности // Социология. № 19. С. 32-65.

Паутова Л.А. 2017. Стабильность – наше кредо? [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике : (электрон. версия). URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Stabilnost--nashe-kredo-18660> (дата обращения: 01.04.2018).

Рикер П. 2004. Память, история, забвение. М. : Изд-во гуманит. лит. 728 с.

Рубцов А.В. 2014. Наука и власть [Электронный ресурс] // Отечественн. записки. № 1 (58). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/nauka-i-vlast> (дата обращения: 14.05.2018).

Сёрль Дж. Р. 1986. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике : [сб. ст.] М. : Прогресс. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 170-194.

Старцев А.В. 2010. Стабильность в современной России: состояние и факторы и динамики // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 166-168.

Туровский Р.Ф. 2006. Центр и регионы: проблемы политических отношений. М. : Изд-во ГУ-ВШЭ. 400 с.

Уолтон Д. 2002. Аргументы ad hominem. М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение». 351 с.

Ушакин С. 2009. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии [Электронный ресурс] // Новое лит. обозрение. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ush55.html> (дата обращения: 12.05.2018).

Фуко М. 2005. Ненормальные. СПб. : Наука. 432 с.

Хантингтон С. 2004. Политический порядок в меняющихся обществах. М. : Прогресс-Традиция. 480 с.

Хархордин О.В. (ред.) 2011. От общественного к публичному / под ред. О.В. Хархордина. СПб. : ЕУСПб. 530 с.

Хобсбаум Э. 2000. Изобретение традиций // Вестн. Евразии. № 1 (8). С. 47-62.

Юрчак А. 2014. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / пер. с англ. М. : Новое лит. обозрение. 604 с.

Ярославцева А.О. 2012а. Ключевые характеристики массового восприятия политической стабильности в современной России: может ли стабильность стать национальной идеей // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. № 1. С. 57-66.

Ярославцева А.О. 2012б. Политическая стабильность: современные параметры и коннотации // Политическая стабильность: новые вызовы, методологические аспекты анализа и прогнозирования, региональные исследования. М. : Изд-во РУДН. С. 11-44.

Baganha M.I. 2003. From Closed to Open Doors: Portuguese Emigration under the Corporatist Regime [Электронный ресурс] // e-JPH. Vol. 1, no. 1. P. 1-16. URL: https://www.brown.edu/Departments/Portuguese_Brazilian_Studies/ejph/html/issue1/pdf/baganha.pdf (дата обращения: 12.05.2018).

Burke E. Select works. Vol. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://oll.libertyfund.org/titles/burke-select-works-of-edmund-burke-vol-1--5> (дата обращения: 12.05.2018).

De Mesquita B.B., Downs G.W. 2005. Development and Democracy // Foreign Affairs. Vol. 84, № 5. P. 77-86.

Dowding K., Kimber R. 1983. The Meaning and Use of «Political Stability» // European Journal of Political Research. Vol. 11, iss. 3. P. 229-243.

Dror Y. 1999. Beyond uncertainty: Facing the inconceivable // Technological forecasting and social change. Vol. 62, iss. 1-2. P. 151-153.

Eckstein H. 1966. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. Princeton : Princeton Univ. Press. 318 p.

Eckstein H. 1997. Congruence Theory Explained [Электронный ресурс] // UC Irvine: Center for the Study of Democracy. URL: <https://cloudfront.escholarship.org/dist/prd/content/qt2wb616g6/qt2wb616g6.pdf> (дата обращения: 03.05.2018).

Godoy L.A. 2011. Structural stability concepts in medieval and renaissance mechanics [Электронный ресурс] // Latin American Journal of Solids and Structures. Vol. 8. P. 83-105. URL: <http://www.scielo.br/pdf/lajss/v8n1/a05v8n1.pdf> (дата обращения: 02.05.2018).

Hansson S. O., Helgesson G. 2003. What Is Stability? [Электронный ресурс] // Synthese 136. № 2. P. 219-235. URL: <http://www.jstor.org/stable/20118329> (дата обращения: 03.05.2018).

Hurwitz L. 1980. Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability // American Political Science Review. № 74. P. 269-270.

Jong-A-Pin R. 2006. On the measurement of political instability and its impact on economic growth [Электронный ресурс], March 15. Groningen : Univ. of Groningen. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/87dd/8d93f47cd040c1513b279e3ce8e9b3146d84.pdf> (дата обращения: 01.05.2018).

Lefort C. 1988. Democracy and Political Theory. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press. 100 p.

Lévi-Strauss C. 1987. Introduction to the Work of Marcel Mauss [Электронный ресурс]. London : Routledge. 90 p. URL: https://monoskop.org/images/6/65/Levi-Strauss_Claude_Introduction_to_the_Work_of_Marcel_Mauss.pdf (дата обращения: 09.05.2018).

Lloyd G. 1990. Demystifying Mentalities. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 184 p.

Rosenthal U. 1978. Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability. Alphen aan den Rijn, The Netherlands : Sijthoff & Noordhoff. XI, 286 p.

Salazar A. 1965. Salazar Says: Declaration on overseas policy. Lisbon : SNI. 36 p.

Sunstein C.R. 2001. Echo chambers: Bush v. Gore, impeachment, and beyond [Электронный ресурс]. Princeton, Oxford : Princeton Univ. Press. 20 p. URL: <http://assets.press.princeton.edu/sunstein/echo.pdf> (дата обращения: 05.05.2018).

Vallier K. 2017. Three concepts of political stability: an agent-based model // Social Philosophy and Policy. Vol. 34, № 1. P. 232-259. doi: 10.1017/S0265052517000115.

Vertessen D., De Landtsheer C. 2008. A Metaphorical Election Style: Metaphor Use at Election Time [Электронный ресурс] // Politics, Language and Metaphor / eds. J. Pikalo, T. Carver. London : Routledge. P. 271-285. URL: <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9781134114702/chapters/10.4324%2F9780203931233-31> (дата обращения: 06.06.2018).

Zimmermann E. 1983. Political Violence, Crises and Revolutions : Theories and Research. Boston, Mass. : G.K. Hall ; Cambridge, Mass. : Schenkman Pub. Co. 810 p.

K. Telin. Imitatsiya «stabil'nosti»: lozhnaya optika vlastnogo diskursa [Imitation of “stability”: fake optics of political power discourse], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 55–74. (in Russ.).

K. Telin, Candidate of Political Sciences, Research Fellow, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: kirill.telin@gmail.com

Article received 26.09.2018, accepted 15.10.2018, available online 29.12.2018

IMITATION OF «STABILITY»: FAKE OPTICS OF POLITICAL POWER DISCOURSE

Abstract. This paper is dedicated to the study of «stability» ideas existing in the political sphere as one of the key points of official political power discourse. According to the author, the usage of “stability” concept oriented towards various manipulations of the public opinion is compared with the scientific notions expressed in domestic and foreign developments. The paper includes a comprehensive methodological optics: the author offers detailed analysis of the key contemporary concepts of “stability” with detailed presentation of the relevant requirements for the existing political order.

The author makes a conclusion about the discrepancy between the meaning of “stability” in the scientific and political spheres. The paper considers such systematical political circumstances as defects in political communication and existing political language (1); political disenfranchisement and reproducing alienation of citizens from their own political rights and ideas about themselves as political actors (2); and as deliberate transformation of quite specific and instrumental discourse of “stability” and “stabilization” into a vague ethical requirement (3). The author assumes that continuing trends in Russian politics (in many ways similar to similar trends in other countries) – such as the gap between the establishment and the rest of society (a); political apathy and even depression of a large part of the population (b); and the ongoing transformation of the information space (c) – are able to exacerbate the problems of the official authoritative discourse with scientific research and even elementary common sense.

Keywords: stability, political regime, discourse, language, political competition.

References

XXVII s'ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuz, 25 fevr. – 6 marta 1986 g. : stenogr. otchet. V 3 t. [XXVII Congress of the Communist party of the Soviet Union, February 25. – 6 March 1986: verbatim record, in 3 vols.], Moscow, Politizdat, 1986, available at: <http://soveticus5.narod.ru/85/xxviit1.htm> (accessed May 01, 2018).

Akhremenko A.S. *Dinamicheskiy podkhod k matematicheskomu modelirovaniyu politicheskoy stabil'nosti* [Dynamic approach to mathematic modelling of political stability], *POLIS : Politicheskie issledovaniya*, 2009, no. 3, pp. 105–112. (in Russ.).

Aronson O.V. *Tsenzura kak opyt: simptomatika i etika* [Censorship as experience: symptoms & ethics], *Index. Dos'e na tsenzuru*, 2004, no. 20, available at: <http://www.index.org.ru/journal/20/aronson20.html> (accessed May 15, 2018). (in Russ.).

Baganha M.I. From Closed to Open Doors: Portuguese Emigration under the Corporatist Regime, *e-JPH*, 2003, vol. 1, no. 1, pp. 1–16, available at: https://www.brown.edu/Departments/Portuguese_Brazilian_Studies/ejph/html/issue1/pdf/baganha.pdf (accessed May 12, 2018).

Baranov N.A. *Vozrozhdenie populizma: evropeyskiy opyt i rossiyskie praktiki* [Uprising of a populism: European experience and Russian practices], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6*, 2015, iss. 3, pp. 25–36. (in Russ.).

Bondarenko V.F., Efanova E.V. *Politicheskaya stabil'nost' v sovremennoy Rossii: faktory, urovni, protivorechiya* [Political stability in contemporary Russia: factors, levels and contradictions], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki : v 2 ch.*, Tambov, Gramota, 2012, no. 4 (18), pt. 2, pp. 37-40, available at: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2012_4-2_09.pdf (accessed May 06, 2018). (in Russ.).

Bourdieu P. *O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka* [The Production and Reproduction of Legitimate Language], *Otechestvennye zapiski*, 2005, no. 2 (23), available at: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka> (accessed April 19, 2018). (in Russ.).

Bozoki A. *Populizm kak diskurs vengerskikh elit* [Populism as a discourse of Hungarian elites], *Sravnitel'naya politika*, 2012, no. 3 (9), pp. 162-184, available at: <http://www.comparativepolitics.org/index.php/jour/article/viewFile/114/128> (accessed May 03, 2018). (in Russ.).

Burke E. *Select works. Vol. 1*, available at: <http://oll.libertyfund.org/titles/burke-select-works-of-edmund-burke-vol-1--5> (accessed May 12, 2018).

De Mesquita B.B., Downs G.W. Development and Democracy, *Foreign Affairs*, 2005, vol. 84, no. 5, pp. 77-86.

Dowding K., Kimber R. The Meaning and Use of «Political Stability», *European Journal of Political Research*, 1983, vol. 11, iss. 3, pp. 229-243.

Dror Y. Beyond uncertainty: Facing the inconceivable, *Technological forecasting and social change*, 1999, vol. 62, iss. 1-2, pp. 151-153.

Eckstein H. Congruence Theory Explained, *UC Irvine: Center for the Study of Democracy*, 1997, available at: <https://cloudfront.escholarship.org/dist/prd/content/qt2wb616g6/qt2wb616g6.pdf> (accessed May 03, 2018).

Eckstein H. *Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway*, Princeton, Princeton Univ. Press, 1966, 318 p.

Foucault M. *Nenormal'nye* [Abnormal], St. Petersburg, Nauka, 2005, 432 p. (in Russ.).

Gladarev B. *Opyty preodoleniya «publichnoynemoty»: analiz obshchestvennykh diskussiy v Rossii nachala XXI veka* [Essays of public muteness overcoming: analysis of public discussions in Russia of XXI century], N. Vakhtin, B. Gladarev, B. Firsov (red.) *Rossiyskoe obshchestvo v poiskakh publichnogo yazyka: vchera segodnya zavtra*, St. Petersburg, Izd-vo EUSPb., 2014, available at: https://eu.spb.ru/images/pnis/Gladarev_Opyty_preodoleniya_publichnoynemoty.pdf (accessed May 02, 2018). (in Russ.).

Godoy L.A. Structural stability concepts in medieval and renaissance mechanics, *Latin American Journal of Solids and Structures*, 2011, vol. 8, pp. 83-105, available at: <http://ww.scielo.br/pdf/lajss/v8n1/a05v8n1.pdf> (accessed May 02, 2018).

Hansson S. O., Helgesson G. What Is Stability? *Synthese* 136, 2003, no. 2, pp. 219-235, available at: <http://www.jstor.org/stable/20118329> (accessed May 03, 2018).

Harhordin O.V. (ed.) *Ot obshchestvennogo k publichnomu* [From social to public], St. Petersburg, EUSPb., 2011, 530 p. (in Russ.).

Hobsbawm E. *Izobretenie traditsiy* [Invention of tradition], *Vestnik Evrazii*, 2000, no. 1 (8), pp. 47-62. (in Russ.).

Huntington S. *Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies], Moscow, Progress-Traditsiya, 2004, 480 p. (in Russ.).

Hurwitz L. Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability, *American Political Science Review*, 1980, no. 74, pp. 269-270.

Ivanov V.N. *Politicheskaya sotsiologiya* [Political Sociology], Moscow, Mysl', 2000, 294 p. (in Russ.).

Jong-A-Pin R. *On the measurement of political instability and its impact on economic growth*, March 15, 2006, Groningen, Univ. of Groningen, available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/87dd/8d93f47cd040c1513b279e3ce8e9b3146d84.pdf> (accessed May 01, 2018).

Kulikova S.A. *Konstitutsionnyy zapret tsenzury v Rossii* [Constitutional ban of censure in Russia], Moscow, Prospekt, 2016, 252 p. (in Russ.).

Lacan J. «Ya» v teorii Freyda i v tekhnike psikhoanaliza (1954/55) [The Ego in Freud's Theory and in the Technique of Psychoanalysis (1954/55)], Moscow, Gnozis, Logos, 1999, 520 p. (in Russ.).

Lefort C. *Democracy and Political Theory*, Minneapolis, Univ. of Minnesota Press, 1988, 100 p.

Lévi-Strauss C. *Introduction to the Work of Marcel Mauss*, London, Routledge, 1987, 90 p., available at: https://monoskop.org/images/6/65/Levi-Strauss_Claude_Introduction_to_the_Work_of_Marcel_Mauss.pdf (accessed May 09, 2018).

Lloyd G. *Demystifying Mentalities*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1990, 184 p.

Magun A.V. *Otritsatel'naya revolyutsiya: k dekonstruktsii politicheskogo sub'ekta* [Negative revolution: To deconstruction of a political actor], St. Petersburg, Izd-vo EUSPb., 2008, 416 p., available at: http://abuss.narod.ru/Biblio/polis/magun_or_vv.htm (accessed May 05, 2018). (in Russ.).

Makarychev A.S. *Stabil'nost' i nestabil'nost' pri demokratii: metodologicheskie podkhody i otsenki* [Stability and instability on democracy: methodological approaches and estimates], *POLIS: Politicheskie issledovaniya*, 1998, no. 1, pp. 149-157. (in Russ.).

Makarychev A.V. *Rossiyskie olimpiyskie diskursy: efekty unifikatsii i mnogoobraziya* [Russian Olympic discourses: effects of unification and plurality], *Neprikosnovennyy zapas*, 2013, no. 2 (88), pp. 86-100. (in Russ.).

Marchenya P. *Paradoksy mifologii «pravovogo nigilizma» v Rossii* [Paradoxes of law nihilism mythology in Russia], *Zakon i pravo*, 2006, no. 2, pp. 20-22. (in Russ.).

Martyanov V.S. *Metazyazyk politicheskoy nauki* [Metalanguage of political science], Ekaterinburg, Izd-vo UrO RAN, 2003, 236 p. (in Russ.).

Matafonova Yu.A. *Politicheskaya stabil'nost' i politicheskaya ustoychivost' v kontekste federativnoy sistemy* [Political stability and political sustainability inside federative system], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 2 (62), vol. 2, pp. 72-75. (in Russ.).

Mendes V.K. *Opravdanie diktatury? (diktator Salazar v 1930 g. i poet Fernando Pessoa v 1928 g.)* [Dictatorship Excused (dictator Salazar in 1930 and poet Fernando Pessoa in 1928)], *Nezavisimyy filologicheskyy zhurnal*, 2009, no. 100, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/me9.html> (accessed April 02, 2018). (in Russ.).

Miller J.-W. *Lakan i politika: beseda Zhaka-Alena Millera s zhurnalistami Zh.-P. Klero i L. Lott (Paris: PUF, 2003. № 16)* [Lacan and politics: interview with Jacques-Alain Miller], *Neprikosnovennyy zapas*, 2009, no. 5 (67), available at: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz-67/4238-lakan-i-politika.-beseda-s-zhakom.html> (accessed December 01, 2017). (in Russ.).

Miller J.-W. *Spory o demokratii: Politicheskie idei v Evrope XX veka* [Contesting Democracy: political ideas in Twentieth-Century Europe], Moscow, Izd-vo In-ta Gaydara, 2017, 398 p. (in Russ.).

Morgunova A.B. *Ideologii i strategii dominirovaniya v diskurse rossiyskogo i belorusskogo prezidentov* [Ideologies and strategies of domination in discourse of Russian and Belarus presidents], *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 2010, vol. 103, no. 1, pp. 19-47. (in Russ.).

Mouffe Ch. *Kagonisticheskoy modeli demokratii* [For an Agonistic Model of Democracy], *Logos*, 2004, no. 2 (42), pp. 180-197. (in Russ.).

Pautova L.A. *Kompleksnyy podkhod k issledovaniyu sotsial'nogo predstavleniya o stabil'nosti* [Complex approach to research of social representation of stability], *Sotsiologiya*, 2004, no. 19, pp. 32-65. (in Russ.).

Pautova L.A. *Stabil'nost' – nashe kredo?* [Is stability our credo?], *Rossiya v global'noy politike : (elektronnaya versiya)*, 2017, available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Stabilnost-nashe-kredo-18660> (accessed April 01, 2018). (in Russ.).

Ricœur P. *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, forgetting], Moscow, Izd-vo gumanitarnoy literatury, 2004, 728 p. (in Russ.).

Rosenthal U. *Political Order: Rewards, Punishments and Political Stability*, Alphen aan den Rijn, The Netherlands, Sijthoff & Noordhoff, 1978, XI, 286 p.

Rubtsov A.V. *Nauka i vlast'* [Science and Power], *Otechestvennye zapiski*, 2014, no. 1 (58), available at: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/nauka-i-vlast> (accessed May 14, 2018). (in Russ.).

Salazar A. *Salazar Says: Declaration on overseas policy*, Lisbon, SNI, 1963, 36 p.

Searle J.R. *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* [Classification of Illocutive Acts], *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, Moscow, Progress, 1986, iss. 17, pp. 170-194. (in Russ.).

Startsev A.V. *Stabil'nost' v sovremennoy Rossii: sostoyanie i faktory i dinamiki* [Stability in contemporary Russia: state, factors, dynamics], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya»*, 2010, no. 1, pp. 166-168. (in Russ.).

Sunstein C.R. *Echo chambers: Bush v. Gore, impeachment, and beyond*, Princeton, Oxford, Princeton Univ. Press, 2001, 20 p., available at: <http://assets.press.princeton.edu/sunstein/echo.pdf> (accessed May 05, 2018).

Turovskiy R.F. *Tsentr i regiony: problemy politicheskikh otnosheniy* [Center and regions: problems of political relations], Moscow, Izd-vo GU-VShE, 2006, 400 p. (in Russ.).

Ushakin S. *Byvshee v upotreblenii: Postsovetskoe sostoyanie kak forma afazii* [Being used: post-soviet state as a kind of aphasia], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2009, no. 100, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ush55.html> (accessed May 12, 2018). (in Russ.).

Vallier K. Three concepts of political stability: an agent-based model, *Social Philosophy and Policy*, 2017, vol. 34, no. 1, pp. 232-259, doi: 10.1017/S0265052517000115.

Vertessen D., De Landtsheer C. A Metaphorical Election Style: Metaphor Use at Election Time, *J. Pikalo, T. Carver (eds.) Politics, Language and Metaphor*, London, Routledge, 2008, pp. 271-285, available at: <https://www.taylorfrancis.com/books/e/9781134114702/chapters/10.4324%2F9780203931233-31> (accessed June 06, 2018).

Walton D.N. *Argumenty ad hominem* [Ad Hominem Arguments], Moscow, In-t Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2002, 351 p. (in Russ.).

Yaroslavtseva A.O. *Klyuchevye kharakteristiki massovogo vospriyatiya politicheskoy stabil'nosti v sovremennoy Rossii: mozhnet li stabil'nost' stat' natsional'noy ideey* [Key features of mass perception of political stability in contemporary Russia: could stability become a national idea], *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya «Politologiya»*, 2012, no. 1, pp. 57-66. (in Russ.).

Yaroslavtseva A.O. *Politicheskaya stabil'nost': sovremennyye parametry i konnotatsii* [Political stability: contemporary parameters & connotations], *Politicheskaya stabil'nost': novyye vyzovy, metodologicheskie aspekty analiza i prognozirovaniya, regional'nye issledovaniya*, Moscow, Izd-vo RUDN, 2012, pp. 11-44. (in Russ.).

Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation], Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2014, 604 p. (in Russ.).

Zimmermann E. *Political Violence, Crises and Revolutions : Theories and Research*, Boston, Mass., G.K. Hall, Cambridge, Mass., Schenkman Pub. Co, 1983, 810 p.